

К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве

Костин А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; aleksandr.e.kostin@gmail.com

РЕФЕРАТ

Автор поставил своей целью выяснить, в какой мере положения классической теории корпоративизма Филиппа Шмиттера могут быть применимы в характеристике современной российской модели корпоративных отношений. В статье анализируются основные характеристики и отличительные черты социального и государственного типов корпоративизма, отраженного в теории Ф. Шмиттера, особенности эволюции моделей и форм российского корпоративизма. Большое внимание уделяется попытке формулирования автором специфических особенностей действующей модели корпоративизма в российском политическом пространстве, близкой к государственному типу, но не являющейся таковой в полной мере.

Ключевые слова: государственный корпоративизм, корпоративизм, неокорпоративизм, российское политическое пространство, Ф. Шмиттер

To the Issue of the Applicability of P. C. Schmitter'S Theory of Corporatism in Modern Russian Political Space

Kostin A. E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; aleksandr.e.kostin@gmail.com

ABSTRACT

In this article, the author set the goal to determine in what measure the provisions of the classical theory of corporatism of Phillippe C. Schmitter can be applied in the characterization of the modern Russian model of corporate relations. The author focuses on the determination of the type of corporate model of representation of interests in the Russian political space, based on the characteristics of the state and social types, which was formulated by P. C. Schmitter. As a result, the author comes to the conclusion that the Russian model of corporatism is close to the state type of corporatism, but has specific properties that the author tries to formulate.

Keywords: state corporatism, corporatism, neo-corporatism, Russian political space, P.C. Schmitter

Значительным этапом в развитии теории корпоративизма можно считать опубликование в 1974 г. статьи Филиппа Шмиттера «Still the Century of Corporatism?» («Еще век корпоративизма?»), где акцент делается не на идеологию и экономические отношения, а на политическом пространстве при участии корпораций. Шмиттер обратил внимание на то, что термин «корпоративизм» ушел из активного использования, однако сам феномен корпоративизма присутствовал в разных облициях [2, р. 85], что позволило ему сформулировать неокорпоративистский подход, который бы основывался на практике и «очищал» теорию от идеологических элементов, которые наложили негативный фашистский отпечаток в 30-е и 40-е гг. XX в.

Под корпоративизмом Шмиттер понимает «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [11].

Как отмечено С. Перегудовым, Ф.Шмиттер рассматривает корпоративизм в широком значении, так как ранее корпоративная модель представительства интересов рассматривалась как альтернативная плюралистической [9, с. 135]. В этом отношении, Шмиттер в качестве критериев отличий между корпоративной и плюралистической моделями представительства интересов выделял: степень формализации, дифференцированность интересов, увеличение административного штата, рост роли олигархии и усиление роли государства [12, р. 96].

Четкие границы между данными моделями представительства с течением времени размывались, поэтому применять широкий шмиттеровский подход сложно, так как он не отражает в полной мере конфигурации взаимоотношений групп интересов и государства.

Содержащиеся в понятии, сформулированном Ф. Шмиттером, характеристики, такие как принудительность, неконкурентность, монополизм могут сформировать представление о том, что корпоративизм и институты демократии — явления несовместимые.

Однако существует две особенности, которые позволяют разрешить данное противоречие.

Во-первых, как справедливо отмечает Е. Потапова, говорить о том, что подобные вопросы «о группах интересов и о некорпоративизме, меняются в зависимости от исторических обстоятельств» некорректно, «ведь автономная теория должна быть достаточно многогранной, чтобы выдержать проверку разными историческими контекстами» [10, с. 171]. Данный вопрос разрешается самим Шмиттером совместно с Ю. Гроте [10, с. 171] и обозначается как феномен «Сизифа корпоративизма» [13]. Подобно герою древнегреческой мифологии корпоративизм проходит циклы, периодичность которых составляет двадцать пять лет. Во-вторых, важной составляющей теории Шмиттера является выделение двух видов корпоративизма — социального и государственного. Необходимо разграничить эти два типа по основным критериям, являющихся детерминантами корпоративизма (отражены в табл. 1).

Но применимы ли положения теории корпоративизма к России? Относительно применимости концепции Шмиттера в разных странах, он сам заявляет о том, что является непродуктивным рассмотрение корпоративизма как продукта политической культуры какой-то определенной географической области, а также привязки к какому-либо политическому режиму [12, р. 89, 92].

С развитием мировой экономики возрастает роль корпорации не только как экономического, но и политического и социального института. Корпорация, являющаяся составной частью политического устройства, оказывает влияние на будущее политической системы.

Специфические особенности российской корпоративной модели представительства интересов связаны с ролью политического режима и политической элиты.

Несмотря на то, что Шмиттер разграничивал корпоративизм и его виды от типов политических режимов, особенно отмечал тенденции к погружению корпоративизма в более широкую категорию — «авторитарного режима» [12; р. 91], необходимо отметить взаимосвязь между корпоративизмом и политическим режимом в России, т.е. какие средства, механизмы использует власть для осуществления деятельности, в том числе и во взаимодействии с группами интересов.

Разграничение социального и государственного типов корпоративизма

Table 1. Differentiation of Social and State Types of Corporatism

Критерий	Социальный	Государственный
1) Процесс ограничения числа корпоративных участников	В результате договора между «политическими картелями»	Преднамеренное ограничение правительством
2) Исключение корпоративных участников	Спонтанная кооптация/ конкурентное устранение	Оказание давления со стороны государства на множественные или параллельные ассоциации
3) Обязательность для выполнения решений	Де-факто путем социального давления, контролем за договорными взносами, оказание важнейших услуг и/или приобретение частного лицензионного потенциала	Де-юре посредством трудового закона или иным официально установленным актом, признающим исключительную власть
4) Переход к неконкурентному состоянию	Продукт внутренних или внешних олигархических тенденций подобных договорным или добровольным соглашениям между ассоциациями	Непрерывное вмешательство государственного посредничества, арбитража и репрессий
5) Иерархическая упорядоченность	Как результат внутренних процессов расширения бюрократии и/или консолидации	В результате государственно-распорядительной централизации и административной зависимости
6) Функциональная дифференцированность	Достигаются волонтаристскими соглашениями о разделении подконтрольных сфер	В пределах, установленных государством в сфере кадрового обеспечения
7) Признание государством	Признание как политическая необходимость, налагаемая «снизу вверх» на государственных должностных лиц	Возникает «сверху вниз» со стороны государства как условие формирования ассоциации и непрерывной работы
8) Представительная монополия	Путем независимого завоевания	Допускается государством как зависимое
9) Контроль за отбором лидеров и артикуляцией интересов	В результате взаимного консенсуса по вопросам процедуры и/или целям	В результате асимметричного применения организованными монополистами легитимного насилия

Примечание. Таблица составлена по материалам [12].

Стоит отметить, что формы российского корпоративизма менялись — советская модель обозначается как «бюрократический корпоративизм» [7], характеризующийся административно-командным типом управления. В 1997 г. С. Перегудов отмечает сложившуюся систему как кланово-бюрократическую со значительным монополизмом в экономике, но с зачатками трипартизма [6, с. 25]. Через год, рассматривая уже неформализованные процедуры взаимодействия групп интересов и государства, тот же С. Перегудов отмечает в этой связи смену парадигмы — система представительства групп интересов 90-х г. XX в. отмечается уже как олигархический корпоративизм [9, с. 135–136], характеризующийся широким участием крупных финансово-олигархических групп, приоритетом частных интересов над государственными. Период 2000-х гг. также обозначается как модель административно-бюрократического корпоративизма, но в тесном взаимодействии бюрократического аппарата и крупного бизнеса [8, с. 118].

Отечественный исследователь А. Павроз подчеркивает, что с начала 2000-х Россия полностью сменила плюралистическую модель, характерную для 1990-х, на формы, характерные в большей степени корпоративистской теории. Также данный этап характеризуется усилением и вертикальной структуры власти, институционализацией отношений между Президентом РФ, органами государственной власти и крупными бизнес-сообществами, сопровождающимися модернизацией Российского союза промышленников и предпринимателей (РСП), окончанием либерально-олигархической системы представительства интересов, «делом ЮКОСа», что усилило роль государства в отношениях государство-бизнес. Ряд отечественных исследователей отмечают, что выбранный диаметрально противоположный вектор осуществления власти и взаимодействия может привести к авторитарному политическому режиму [3, с. 30; 1].

Рассмотренные выше периоды и соответствующие модели характеризуются различными парадигмами в области управления и представительства интересов, разными взаимоотношениями между государственными структурами и группами интересов, иной политической элитой и политическим режимом, который в России менялся, что иллюстрирует проводимые реформы и политический курс. Таким образом, указанные формы отечественной корпоративной модели представительства интересов не укладываются в рамки рассмотренных Шмиттером типов корпоративизма в полной мере, рассмотренных выше (социального и государственного) [12, р. 105], что позволяет говорить о специфическом феномене российского корпоративизма.

Рассматривая нынешнее десятилетие, можно отметить возрастающую тенденцию к еще большему «огосударствливанию» корпоративной модели представительства интересов.

Российский политолог Дмитрий Орешкин рассматривает сегодняшнюю модель как «гибридный вариант» между административной советской системой и рыночной экономикой, которая характеризуется передачей крупнейших сырьевых отраслей политически лояльным лицам, жестким административным контролем за финансовыми потоками и государственным институтами [4]. Схожей позиции придерживается и Ю. Красин, отмечая сращивание государственной бюрократии и крупного капитала, что привело к формированию корпоративно организованного государственно-бюрократического капитализма, который является одним из важнейших факторов экономического роста, но, с другой стороны, препятствует развитию рыночных отношений [2].

На наш взгляд, обе авторские позиции отражают особенности государственно-корпоративной модели представительства интересов в России. Рассматривая особенности становления в российском политическом пространстве специфической формы корпоративной модели представительства интересов, близкой к государственному типу, можно отметить следующее:

1. Снижение роли плюрализма. Изоляция широких групп интересов приводит к отсутствию возможности для артикуляции интересов, даже несмотря на то, что институциональные основания для представительства групп интересов создаются (Общероссийский народный фронт, Опора и др.). В парламентаризме также отмечаются факторы, косвенно стимулирующие госкорпоративизм — партия власти позиционирует себя центристской и консервативной партией (корпоративизм направлен на преодоление противоречий между правыми и левыми идеями). Недостаточное функционирование такого важнейшего института, как независимые СМИ, привело к тому, что значительное число российской аудитории не считают информацию из СМИ объективной — 40% опрошенных по результатам опроса Фонда общественного мнения в 2017 г.¹
2. Значительная роль государства и политической элиты. Многие крупнейшие государственные корпорации России и нормативно-правовая база, регулирующая их деятельность, создавались в 2007 г. (Росатом, Ростех, Роснано, Олимпстрой и др.)², т.е. по установленным государством правилам. Кадровые вопросы также имеют значительную зависимость от государства — высшие руководители назначаются и освобождаются с должностей Указом Президента РФ или распоряжением Правительства РФ, где в основе выбора лежит не сколько профессионализм, а принадлежность к политической элите. Таким образом, важную роль играют политические элиты, что уменьшает арбитражную функцию государства и способствует развитию практики неформального политического и делового взаимодействия.
3. Недостаточная эффективность. Значительное влияние бюрократического аппарата, а также государственное финансирование отражается на эффективности созданного института государственных корпораций и их мотивированности на извлечение прибыли. В. Путин в своей статье в газете «Ведомости» отметил, что «большинство интегрированных структур не стали ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными... Сегодня им необходим топ-менеджмент с высокими компетенциями в инновационном бизнесе»³. Таким образом, В. Путин сам оценивает пятилетний срок (с 2007 по 2012 гг.) неудачным в плане эффективности деятельности государственных корпоративных структур. Однако данная оценка не привела к кадровым изменениям в большинстве государственных корпораций, что позволяет говорить об элитарном и патримониальном характере российского корпоративизма.

Теория корпоративизма, а именно государственный тип, отраженный в работах Ф. Шмиттера, применим к современному российскому политическому пространству с рядом оговорок. Корпоративизм сегодня является вызовом для отечественной публичной политики, а именно отражением степени сбалансированности между общественным интересом и частным — у Шмиттера такой идеальной моделью, включающей автономность, коалиционность исполнительной власти и конкурентные избирательные процессы, является социальный тип корпоративизма. Однако рассмотренные выше особенности российского корпоративизма, главным образом,

¹ Об объективности СМИ и тематических предпочтениях граждан. Опрос Фонда «Общественное мнение» от 20 июля 2017 г. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13618> (дата обращения: 22.12.2017).

² См. подробнее: Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации «Ростехнологии»»; Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий»; Федеральный закон от 30.10.2007 № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта».

³ Путин В. В. Нам нужна новая экономика. — Официальный сайт газеты «Ведомости». 30 января 2012 г. Доступ: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 22.12.2017).

степень плюрализма и особенности политического режима указывают на то, что возникновение корпоративной модели представительства интересов социального типа на сегодняшний день маловероятно.

Литература

1. Гельман В. Я., Стародубцев А. В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // *Полития*. 2014. №4 (75). С. 6–30.
2. Красин Ю. А. Горячее лето 2014: «Украинский кризис» сквозь призму политологической мысли // *Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы»*. Москва, 21–22 ноября 2014 г. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова. 2014. С. 268–269.
3. Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Публичная политика в России : сборник статей под общ. ред. Ю. А. Красина*. М. : Альпина Бизнес Букс. 2005. С. 15–32.
4. Орешкин Д. Б. О возвращении в авторитаризм, свободной России и победе «Бюрнеса» — союза постсоветской бюрократии с бизнесом // *Новое время*. 2015. № 19. С. 42–43.
5. Павроз А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2009. № 4. С. 50–62.
6. Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 2. С. 23–26.
7. Перегудов С. П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 2. С. 76–87.
8. Перегудов С. П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 5. С. 111–128.
9. Перегудов С. П. Ренессанс корпоративизма? // *Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под ред. Т. И. Заславской*. М., 1998. С. 130–140.
10. Потапова Е. Б. Неокорпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды // *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2010. № 4. С. 165–173.
11. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 2. С. 14–22.
12. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // *The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike, T. Stritch (eds.)*. London, 1974. P. 85–131.
13. Schmitter P. C., Grote J. R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, N 97/4, 1997. P. 1–22.

Об авторе:

Костин Александр Эмильевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), aleksandr.e.kostin@gmail.com

References

1. Gelman V. Ya., Starodubtsev A. V. Opportunities and restrictions of authoritative modernization: Russian reforms of the 2000th years // *Polity [Politiya]*. 2014. N 4 (75). P. 6–30/ (In rus)
2. Krasin Yu. A. Hot summer of 2014: «The Ukrainian crisis» through a prism of a political thought // *Materials of the Russian scientific conference (with the international participation) «The Russian political science: sources, traditions and prospects» [Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy»]*. Moscow, on November 21–22, 2014. M. : Publishing Centre of MSMU of M. A. Sholokhov. 2014. P. 268–269. (In rus)
3. Krasin Yu. A. The public sphere and public policy in the Russian measurement // *Public policy in Russia [Publichnaya politika v Rossii]*. The collection of articles under the general edition of Yu. A. Krasin. M. : Alpina Business Books. 2005. P. 15–32. (In rus)
4. Oreshkin D. B. About return to authoritarianism, free Russia and a victory of Burness — the union of Post-Soviet bureaucracy with business // *Modern times [Novoe vremya]*. 2015. N 19. P. 42–43. (In rus)

5. Pavroz A.V. Corporativism: sources, evolution, current state // Messenger of the Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 18. Sociology and political science. 2009. N 4. P. 50–62. (In rus)
6. Peregudov S. P. New Russian corporatism: democratic or bureaucratic? // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1997. N 2. P. 23–26. (In rus)
7. Peregudov S.P. Organized interests and state: change of paradigms // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1994. N 2. P. 76–87. (In rus)
8. Peregudov S. P. Pluralism and corporativism in the USSR and Russia (the general and special) // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2010. N 5. P. 111–128. (In rus)
9. Peregudov S. P. Corporativism Renaissance? // Where there is Russia? Transformation of the social sphere and social policy [Kuda idet Rossiya? Transformatsiya sotsial'noi sfery i sotsial'naya politika] / ed. T.I. Zaslavskaya. M., 1998. P. 130–140. (In rus)
10. Potapova E. B. Neocorporativism in Western Europe as object of theoretical judgment: the checked hypotheses and new views // Bulletin of St. Petersburg State University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta]. Series 6. Political science. International relations. 2010. N 4. P. 165–173. (In rus)
11. Schmitter P. Neocorporatism // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1997. No. 2. P. 14–22. (In rus)
12. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike, T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85–131.
13. Schmitter P.C., Grote J.R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, N 97/4, 1997. P. 1–22.

About the author:

Aleksandr E. Kostin, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), alexsandr.e.kostin@gmail.com